

Чжэн Шаньцы взглянул на всё это богатство: любая из выставленных здесь вещей стоила столько же, сколько он заработал бы за двадцать лет беспорочной службы. Он лишь покачал головой:

— Оставь это при себе.

Сердце его обливалось кровью, но он не мог позволить себе вот так, без всякой причины, принимать от Юй Ланьи столь дорогие подношения.

— Мы едем в уезд Синьфэн, — продолжил Чжэн, — так что вещей стоит брать поменьше. Если тебе так уж хочется потратить часть приданого, возьми три-четыре украшения, не больше. Одежды и обуви хватит по пять смен. Весна и лето уже на исходе, так что бери платья и сапоги на осень и зиму. Добавь сюда предметы первой необходимости, и этого будет вполне достаточно. Всё остальное, чего не хватит, докупим уже на месте — я отправлю людей на рынок.

Шаньцы выпалил всё это на одном дыхании. Глядя на то, какой обоз собирается везти с собой супруг, он всерьёз опасался привлечь внимание разбойников. Пусть в Великой Янь на дорогах было относительно спокойно, но такая вереница нагруженных добром повозок неизбежно вызвала бы ненужные толки и пересуды.

Стоило Юй Ланьи услышать эти наставления, как лицо его тут же изменилось.

— Как же мне хватит пяти платьев? А во что мне переодеваться? К тому же я не привык к тамошним чайным наборам и палочкам для еды. Да и какая разница, сколько вещей, если их повезут повозки? Это совсем не трудно! К чему ты мелочишься? Я и так согласился ехать с тобой в эту глушь, неужели ты не можешь проявить ко мне хоть каплю снисхождения?

Чиновник предвидел, что договориться будет непросто, но в глубине души он понимал юношу. Тот вырос в холе и неге в поместье маркиза, и ему попросту было страшно оставлять привычные вещи в столице. Он был привязан к ним — для Ланьи это были не просто предметы, а часть его прежней жизни.

— Давай сойдёмся на одной повозке? — Шаньцы решил немного уступить. — Возьми те чайные наборы и посуду, что тебе особенно дороги. Мода в уезде Синьфэн наверняка отличается от столичной, так что, когда приедем, ты сможешь попробовать примерить что-то новое.

Юй Ланьи на мгновение задумался, и Чжэн тут же закрепил успех:

— Я сам составлю тебе компанию в лавках. В этом доме всё обустроивал твой папа, но там, в Синьфэне, ты сам будешь хозяином. Неужели тебе не хочется обставить всё по своему вкусу?

Если захочешь сменить столы или кресла — сменим.

— Мне не нужно, чтобы ты ходил со мной. Две повозки — это мой предел. Либо так, либо я иду к отцу и жалуюсь, что ты плохо со мной обращаешься и притесняешь меня. А ты уж сам придумывай, как будешь перед ним оправдываться!

Видя самодовольный вид супруга, Чжэн Шаньцы почувствовал, как в груди словно пёрышком щекочет — досада мешалась с невольным чувством беспомощности.

— Ладно, пусть будет две повозки.

Он уже собрался уходить, но Ланьи сделал шаг вперёд, преграждая путь. Глаза его сияли, в них плясали искры упрямства:

— Я никогда прежде не выезжал за пределы столицы.

Юноша невольно сжал кулаки. Когда Шаньцы предложил ему взять лишь пару смен одежды, он почувствовал себя по-настоящему обиженным. Ему просто было жаль расставаться со своими вещами, он хотел, чтобы они были рядом.

«Разве это преступление? — возмущался про себя Ланьи. — К чему Чжэн Шаньцы так упрямится? И ещё говорит, что я буду «сам себе хозяином», когда на деле он всё решает сам»

— А я выезжал, — спокойно ответил Чжэн. — Так что я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

Юноша тихо фыркнул, всё ещё с тоской поглядывая на сундуки:

— И правда только две повозки?

Шаньцы едва не дрогнул под этим взглядом, но, вспомнив о том хаосе, что царил во дворе, решительно покачал головой:

— Купим остальное на месте.

Ланьи остался крайне недоволен.

***

Выйдя в город, Чжэн Шаньцы купил свод «Законов Великой Янь». Книга стоила сущие гроши, так что его кошелек почти не пострадал. К тому же, поскольку его назначение состоялось

полмесяца назад, казна уже выплатила ему первое жалованье.

Он на ходу пролистал оглавление, делая в уме пометки, на какие разделы стоит обратить особое внимание. За время пути он как раз успеет изучить книгу досконально, чтобы в уезде Синьфэн не выглядеть полным профаном.

Вспомнив о разговоре с супругом, Шаньцы рассудил, что тот, скорее всего, всё ещё дуетя. Нужно было купить какую-нибудь безделушку, чтобы загладить вину. Но стоило ему подойти к торговым рядам, как он зашёл в тупик: у Юй Ланьи и так было всё, о чём только можно мечтать. Выбирать подарок такому человеку — задача не из лёгких. В конце концов его ноги сами принесли его к лавке с румянами и белилами. Покупателями здесь были в основном женщины и гэ'эр, мужчины заглядывали сюда редко.

Обычно мужья любили аромат благовоний на своих половинках, но сами не выносили долгих походов по лавкам. Им куда приятнее было провести это время в винном погребе за кувшином хмельного или в беседе с друзьями.

Хозяйка лавки, увидев Чжэна, так и просияла:

— Господин желает выбрать румяна? Наша жемчужная пудра — лучшая в столице! Все столичные красавицы и гэ'эр без ума от неё: кожа после неё становится белой и нежной, как чистый нефрит, и благоухает так сладостно, что любому голову вскружит.

— Покажите-ка.

Прилавок пестрел нарядными коробочками всех мастей. Взгляд Шаньцы зацепился за одну, показавшуюся ему знакомой — точно такую он видел на туалетном столике Ланьи. Он указал на неё пальцем:

— А это что?

— О, у господина отменный вкус! Эта жемчужная пудра — самая востребованная. Лучшего подарка для гэ'эр и не придумаешь.

— И какова цена?

— Четыре ляна серебра.

Чжэн Шаньцы едва не лишился дара речи. Обычные люди и мечтать не могли о такой роскоши, но для его супруга это была лишь повседневная мелочь. Скрепя сердце, мужчина отсчитал деньги и забрал покупку. Миры, в которых они выросли, и их привычки были слишком разными.

«Нам всё же нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу, — думал Шаньцы. — Делаю это вовсе не ради долгой и счастливой совместной жизни, а лишь для того, чтобы наше существование стало хоть немного сноснее»

Так он оправдывал себя в собственных мыслях.

Едва он вышел за порог, как столкнулся с Цуй Цзыци. Тот был в компании юного и весьма привлекательного гэ'эр, с которым вёл себя довольно непринуждённо. Заметив друга, Цзыци усмехнулся:

— Брат Чжэн? Не ожидал встретить тебя в таком месте. Я думал, ты далёк от подобных заведений.

— Купил кое-что, — уклончиво ответил Шаньцы.

На лице Цуй Цзыци отразилось понимание, и он по-дружески приобнял собеседника за плечи:

— Решил вернуться и задобрить своего «грозного супруга»? У него, говорят, нрав не из лёгких, да и в кулачном бою он, благодаря наставлениям чиновника Юя, не промах. Ты уж его не зли. Ублажишь его как следует — и сам в накладе не останешься.

— Он вполне рассудителен, — возразил Чжэн, стараясь сохранить достоинство Ланьи в глазах окружающих. — И вовсе не склонен к грубости.

— Ну-ну, — протянул Цзыци. — Ладно, мне ещё нужно выбрать румяна для моего спутника, не буду тебя задерживать. Увидимся завтра в поместье Люй.

Цзыци не стал представлять своего спутника, и Шаньцы не стал проявлять излишнего любопытства. Поймав на себе заинтересованный взгляд юного гэ'эр, он лишь вежливо кивнул и отвёл глаза.

— Господин Цуй, — негромко спросил спутник, — неужели этот господин и есть тот самый, что взял в мужа Юй Ланьи?

— Он самый, — отозвался Цуй Цзыци. Это был лучший актёр из Павильона Южного Ветра. Сегодня вечером Цзыци предстояло присутствовать на одной встрече, где требовалось сопровождение, и он привёл юношу в лавку, чтобы выразить свою признательность небольшим подарком.

— У этого господина Чжэна такое благородное самообладание... Кажется, они с Юй Ланьи совсем из разного теста, — юноша лучезарно улыбнулся.

— Судьба — штука прихотливая, — хмыкнул Цзыци. — Но тебя это не касается. Они теперь мужья, им и ладить. — Заметив, что актёр проявляет к Шаньцы слишком явный интерес, он добавил: — На днях он покидает столицу. К тому же, когда у супруга такая властная родня, а у тебя за спиной ни гроша, вряд ли у брата Чжэна хватит духу на глупости.

— Вы служите в Министерстве наказаний и всегда так ревностно блюдёте закон, господин Цуй, неужели вы не знаете, что именно такие мужчины втайне самые искусные в любовных интригах?

Цзыци промолчал.

Ему доводилось разбирать одно дело — избитый сюжет о богатой наследнице и бедном книжнике. Тот, нажившись на приданом жены и взлетев по карьерной лестнице благодаря связям тестя, нанял убийцу, чтобы избавиться от супруги. План сорвался лишь потому, что служанка чудом спаслась и донесла на него в управу.

Дело наделало много шума, ведь служанка бросилась в ноги Фэнцзюню Вану, когда тот совершал паломничество в храм. Под давлением сверху расследование передали в Министерство наказаний.

Приговор был суров: неблагодарный муж планомерно изводил свою благодетельницу.

Цуй Цзыци невольно усмехнулся. Ему казалось, что Чжэн Шаньцы не из тех, кто способен на подобную подлость. Раньше — возможно, но сейчас — вряд ли. У каждого в этом мире есть своя маска. Цзыци видел их тысячи: рыдающие грешники, хладнокровные убийцы, алчные дельцы... Все они преследовали свои цели, скрываясь за личинами. Но Шаньцы не походил ни на кого из них.

Он не мог до конца раскусить этого человека, но в его обществе чувствовал себя на редкость спокойно. Именно поэтому он и желал водить с ним дружбу.

***

Чжэн Шаньцы спрятал коробочку с пудрой за пазуху. Можно было положить и в рукав, но ему всё казалось, что при ходьбе она выпадет. Чтобы унять это беспокойство, он решил, что у сердца ей будет надёжнее. Проходя мимо одной книжной лавки, он заметил толпу учёных людей.

Похоже, там намечалось собрание. Книжники обожали объединяться в общества и устраивать литературные встречи, где можно было найти единомышленников, завести полезные знакомства и блеснуть эрудицией. Сам Шаньцы ещё ни разу не участвовал в подобных собраниях.

Кто-то из присутствующих, не узнав его, радушно потянул за рукав:

— Друг, ты тоже пришёл на встречу общества Вэйцао?

— Я лишь проходил мимо, — вежливо отозвался Шаньцы, сложив руки в приветствии.

— Раз мимо проходил, так загляни к нам! Видно же, что ты человек учёный, не стесняйся. — Человек в белом халате был на редкость настойчив и буквально втащил Чжэна внутрь.

Звали его Ду Нин. Он был старшим внуком в почтенном семействе Ду. Его отец служил инспектором-цензором, а сам он в этом году успешно сдал экзамены, попав во «вторую ступень», и теперь служил в Министерстве ритуалов. Ду Нин обожал новые знакомства; общество Вэйцао было его детищем, которое он основал вместе с друзьями, чтобы обсуждать высокие материи и делиться знаниями.

— Так это же брат Чжэн! Прошу простить мою неосведомлённость, — воскликнул Ду Нин, узнав гостя. — То-то мне лицо показалось знакомым.

Поначалу Шаньцы чувствовал себя скованно, но постепенно беседа увлекла его. Среди присутствующих были трое братьев из одной семьи — все страстные книгочеи, все уже добились чинов, но при этом оставались на редкость скромными. В какой-то момент речь зашла об искусстве управления государством.

Учёные мужи вступили в яростный спор.

Атмосфера накалилась до предела: кто-то восторженно хлопал в ладоши, кто-то сокрушённо вздыхал. В этом небольшом здании сталкивались сотни идей. А в одной из закрытых комнат на верхнем этаже за спором наблюдал ещё один человек.

Советник Люй зашёл сюда лишь выпить чаю, но, услышав, что сегодня здесь заседает общество Вэйцао, решил остаться и послушать, о чём грезит нынешняя молодёжь. Будучи советником в Министерстве чинов, он знал в лицо добрую половину этих юношей. Общество Вэйцао неожиданно быстро обрело вес в определённых кругах. Глядя на это оживление, советник Люй довольно погладил бороду.

Чжэн Шаньцы, выдержав паузу, негромко высказал своё мнение:

— Учитель говорил: «Тот, кто правит с помощью добродетели, подобен Полярной звезде, что занимает своё место, в то время как все остальные звёзды вращаются вокруг неё». Благодетель притягивает к себе народ, как звёзды — свет... Если править с помощью законов и поддерживать порядок наказаниями, народ будет стараться избежать их, но не будет знать стыда. Если же править с помощью добродетели и поддерживать порядок ритуалами, в народе проснётся стыд, и он сам придёт к исправлению...

Мужчина говорил уверенно и красноречиво. Советник Люй, услышав эти слова, невольно подался вперёд.

В глазах Ду Нина вспыхнуло восхищение. Когда Шаньцы закончил, многие в толпе одобрительно зашумели, а некоторые даже низко поклонились в знак уважения. Шаньцы и сам почувствовал небывалый подъём: высказать всё, что накопело на душе, было истинным наслаждением. На его лице впервые за день появилась искренняя улыбка.

— Брат Чжэн, тебе следовало прийти к нам гораздо раньше, — с улыбкой произнёс Ду Нин. — Твои суждения вызывают у меня искреннее почтение. Я многому научился сегодня. — Брат Чжэн, вступи в наше общество!

Если поначалу Ду Нин просто затащил его из любопытства, то теперь он всем сердцем желал видеть Шаньцы среди своих соратников.

— Что ж, сочту за честь, — согласился Шаньцы.

Ду Нин остался доволен.

***

Когда Чжэн Шаньцы вернулся домой, суета во дворе уже утихла. Несколько плотно упакованных сундуков одиноко стояли посреди двора. Он нашёл взглядом Цзинь Юня:

— Где твой господин?

— У себя в комнате, господин. Кажется, он не в духе.

Шаньцы понимающе кивнул. Сделав глубокий вдох, он толкнул дверь. В передней Ланьи не было. Он прошёл в спальню и увидел на кровати небольшой бугорок под одеялом. Мужчина невольно перешёл на цыпочки, решив, что супруг спит. Но тут под одеялом послышалось возня: Ланьи явно перевернулся на другой бок.

Шаньцы замер. Супруг же, чутко прислушиваясь к каждому звуку, демонстративно ворочался, всем своим видом выказывая недовольство. Чжэн подошёл ближе и присел на край кровати.

— Ты ещё спишь?

В ответ донеслось лишь невнятное ворчание.

— Ну что ж, тогда я подожду, пока ты проснёшься, и тогда поговорим.

«Ну надо же! — в негодовании подумал юноша. — Раз уж присел, так говори всё сразу! Зачем ещё ждать какого-то «потом»?»

— погоди! Кха-кха... Я не сплю. Что ты хотел сказать? — Ланьи резко откинул одеяло и, всё ещё сердясь, уставился на мужа снизу вверх.

— Сегодня я не слишком считался с твоими желаниями, поэтому хотел преподнести тебе небольшой подарок. Моё жалованье невелико, так что не знаю, придётся ли он тебе по вкусу.
— С этими словами Шаньцы достал из-за пазухи коробочку с жемчужной пудрой.

Длинные ресницы отбрасывали тень на его лицо, прямой нос и тонкие губы, чуть тронутые волнением, казались в этот миг особенно выразительными. Увидев знакомую коробочку, Юй Ланьи в мгновение ока сел в постели, широко открыв глаза:

— Ты... Ты?!

Слова застряли у него в горле.

— Я заметил, что та коробочка на твоём столике почти опустела. Сегодня я был в городе, зашёл в лавку и расспросил хозяйку. Если не понравится — можешь просто отложить её.

— Как это — не понравится?! — выпалил Ланьи, но тут же спохватился и добавил с напускным безразличием: — Раз уж это твой подарок, так и быть, я его приму.

Это был первый раз, когда мужчина дарил ему подобную вещь. Впрочем... Чжэн Шаньцы ведь теперь его законный муж, так что его нельзя называть «чужаком».

«Он теперь свой... внутренний мужчина», — туманно пронеслось в его голове.

Юноша протянул руку, но Шаньцы понял этот жест по-своему. Поколебавшись мгновение, он открыл коробочку и осторожно нанёс немного пудры на тыльную сторону ладони супруга. Кожа была нежной и гладкой. Пальцы Шаньцы, покрытые тонкими мозолями от кисти и долгих занятий, ощущались на ней непривычно и волнующе.

Ланьи чувствовал, как муж бережно придерживает его пальцы. Сердце его застучало, как барабан, и казалось, что все чувства мира сосредоточились в том месте, где их кожа соприкасалась.

Закончив, Шаньцы закрыл коробочку и протянул её супругу. Но тот не спешил её забирать. Взгляд Ланьи был прикован к лицу Чжэна. Кончики его пальцев почти невесомо скользнули по кончику носа мужа, намереваясь коснуться щеки, но в этот миг Шаньцы осторожно перехватил его запястье.

— Пахнет... сладко? — прошептал Юй Лань.

<http://bllate.org/book/15809/1428786>